КАРЛ ЛИБКНЕХТ—ЭТО ИМЯ ИЗВЕСТНО
РАБОЧИМ ВСЕХ СТРАН... ЭТО ИМЯ ЕСТЬ
СИМВОЛ ПРЕДАННОСТИ ВОЖДЯ
ИНТЕРЕСАМ ПРОЛЕТАРИАТА, ВЕРНОСТИ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ЭТО
ИМЯ ЕСТЬ СИМВОЛ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО
ИСКРЕННЕЙ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ГОТОВОЙ
НА ЖЕРТВЫ, БЕСПОЩАДНОЙ БОРЬБЫ
С КАПИТАЛИЗМОМ. ЭТО ИМЯ — СИМВОЛ
НЕПРИМИРИМОЙ БОРЬБЫ
С ИМПЕРИАЛИЗМОМ НЕ НА СЛОВАХ, А НА
ДЕЛЕ, БОРЬБЫ, ГОТОВОЙ НА ЖЕРТВЫ
КАК РАЗ ТОГДА, КОГДА «СВОЯ» СТРАНА
ОХВАЧЕНА УГАРОМ
ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ПОБЕД.

В. И. ЛЕНИН

КАРЛ ЛИБКНЕХТ

16 открыток. Цена 54 коп.

Издательство «Изобразительное искусство». Москва, 1980

Художник *Г. Басыров.* Автор текста *О. Черный*
Редактор *А. Тюрин.* Литературный редактор *М. Абсалямова*
Технический редактор *А. Токер*
Тираж 75 000. Подписано в печать 20/XI-80. А-07323.
Изд. № 4-407 Заказ 5973. 4123211

Б $\frac{80205-022}{024(01)-80}$ 156-80
Московская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Мало-Московская, 21

1. ЛИБКНЕХТ И КОЛЛОНТАЙ
2. ЛИБКНЕХТ С РАБОЧИМИ
3. БЕРЛИН БОГАТЫХ
4. БЕРЛИН ОКРАИН
5. ЛИБКНЕХТ В ШТУТГАРТЕ
6. КАРЛ И РОЗА
7. В РЕЙХСТАГЕ
8. ЛИБКНЕХТ ПЕРЕД ОТПРАВКОЙ НА ФРОНТ
9. ПЕРВОМАЙСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ (1916)
10. ЛИБКНЕХТ В КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ
11. БРАТАНИЕ НА ФРОНТЕ
12. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СТАРОСТЫ
13. СПАРТАКОВЦЫ РАСПРОСТРАНЯЮТ ЛИСТОВКИ
14. РАБОЧИЕ ЗАБАСТОВКИ
15. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛИБКНЕХТА В БЕРЛИН
16. ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ПРОГРАММНАЯ РЕЧЬ ЛИБКНЕХТА

8369

1. ЛИБКНЕХТ И КОЛЛОНТАЙ

Два человека, выбравшись из людского потока, свернули в сторону и пошли по пустынной улице. Луна освещала небо. Короткие черные тени деревьев прикрывали тротуар. Вечер был полон сияния и сосредоточенной тишины. Трудно было представить себе, что на западе и востоке уже идет война, полная крови и бесчисленных жертв.

Было четвертое августа, день, когда рейхстаг единодушно утвердил кредиты на ведение войны. Карл Либкнехт, поддавшийся чувству дисциплины, к которой приучен был отцом еще с детства, со все возраставшим протестом спрашивал себя, как это он, так яростно изобличавший предательство социалистов, мог наравне с другими проголосовать за кредиты и, значит, за эту постыдную бойню. Он был благодарен спутнице за то, что она, последовательница Ленина, русская революционерка, хотя бы не донимает его вопросами.

Коллонтай молчала, но и ее сердце было полно смятения. Ей было понятно состояние Карла, однако она сознавала, что вопросами тут не поможешь.

Карл нарушил молчание первый:

— Вы, конечно, измучены тоже? Такой ужасный день...

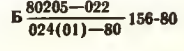
— Да, я чувствую себя совершенно разбитой.— И уклончиво пояснила:— Ваша полиция с таким рвением занялась в эти дни арестами — мысль о них не выходит у меня из головы.

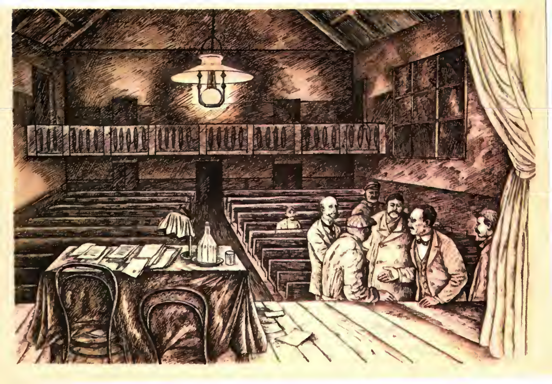
Он оценил ее такт и в тон ей сказал:

— Властям удалось самое подлое — разбудить инстинкты толпы, заставить ее поверить, что в страну проникли шпионы противника. Вид арестованных, которых ведут по улицам, пробуждает самые темные страсти. А властям ничего больше и не нужно... Надо признать, игра затеяна низкопробная!

Художник *Г. Басыров*

4-407. Ц. 3 к. Т. 75 000. Т. № 5. З. 5973. 4123211
Отправлять только в конверте

2. ЛИБКНЕХТ С РАБОЧИМИ

Куда бы он ни проник, чье нелегальное собрание ни посетил бы, ему задавали один и тот же вопрос: как мог он проголосовать четвертого августа в рейхстаге вместе со всеми за утверждение военных кредитов? Спрашивали сначала спокойно, а затем все более горячась.

Выслушав обращенные к нему претензии левых, Либкнехт говорил с предельною прямотой:

— Положение трагическое, я признаю: Европа уже вся в огне, а социалисты, клявшиеся на всех съездах в ответ на начало войны объявить всеобщую забастовку, сами же поддержали милитаристов. На собраниях фракции я доказывал, что грабительскую эту войну правящие классы развязали вопреки интересам рабочих. Но в последнюю минуту окончательного решения возобладало то, что воспитывалось во мне с малых лет,— обязанность подчиниться позиции большинства, пускай она глубоко ошибочна и я с нею не согласен.

С того проклятого часа я только и делаю, что возвращаюсь мыслению к голосованию. Увы, слишком поздно, сознаю. Оправдать мой шаг нельзя, да и не к чему. Ближайшее время покажет, какова истинная моя позиция. У вас, верьте мне, будет возможность убедиться в этом самим. Категорическое «нет!» войне, все силы людей против нее — таков мой ответ сегодня.

Художник *Г. Басыров*

4-407. Ц. 3 к. Т. 75 000. Т. № 5. З. 5973. 4123211
Отправлять только в конверте
Б 80205—022 / 024(01)—80 156-80

HOTEL
Bier
Photo
Riethmüller
KINO
KINO

3. БЕРЛИН БОГАТЫХ

Хотя война велась уже несколько месяцев, Берлин жил обычною жизнью — Берлин богатеев, не принужденных заботиться о насущных нуждах каждого дня. Щегольские экипажи с отличной упряжкой и разодетыми кучерами проносились то и дело, гремел трамвай, мчались автомашины.

Витрины магазинов были разукрашены, как всегда, и народ валил туда, как бы стремясь убедиться, что мало что изменилось в жизни города.

Линия фронта проходила далеко от столицы, и бои, которые там велись, ничем, казалось, не угрожали нормальному ее существованию. В исходе войны буржуа-берлинцы были уверены: победа и только победа! Германия, сорок лет тому назад стремительно разгромившая Францию, должна была победить и в нынешней войне. Как никак, с тех пор она стала намного сильнее, а восточный противник, Россия, совсем недавно в войне с Японией показал свою слабость.

Даже мысли о поражении никто из них не допускал. Вопрос мог идти лишь о сроках: ожидает ли их победа быстрая или она придет после долгих боев?

Буржуа были готовы к тому и другому ответу. Патриотизм их выражался в том, что в обоих случаях они готовы были проявить выдержку и терпение.

Художник *Г. Басыров*

4-407. Ц. 3 к. Т. 75 000. Т. № 5. З. 5973. 4123211
Отправлять только в конверте

Б $\frac{80205-022}{024(01)-80}$ 156-80

n August Franzk
Producten-Handlung
Einkauf
Lumpen
Knochen

4. БЕРЛИН ОКРАИН

Совсем иначе выглядел Берлин неимущих. Стоило с центральных улиц свернуть на боковые и дойти до окраин, как возникала другая картина — серая, сумрачная, полная настороженности. Тут царил совсем иной дух. Не столько о победе думал народ, сколько о заботах каждого дня. Продуктов становилось все меньше, и очереди в мясных, булочных и молочных росли и росли.

Да и разговоры в очередях стали какие-то неприязненные. С каждым месяцем раздражение нарастало. Да тут еще поток раненых, прибывавших с фронта, заметно увеличился. И сами раненые выглядели иначе: пропали прежнее показное геройство и щеголяние храбростью. Все больше прибывало людей хмурых, угрюмых, полных скрытого недовольства.

В госпиталях они жили своей замкнутой жизнью; общались друг с другом неохотно, держа свои невеселые думы при себе. Но неведомыми путями их настроения доходили до здоровых людей. О затянувшейся бойне те думали тоже много: забирали их мужей и сыновей; машина войны требовала непрерывного пополнения, а поступавший в нее людской материал перерабатывался безостановочно.

Берлин окраин был совершенно лишен блеска центра, но облик его — и душа и думы — проступали тут несравненно отчетливей. Неминуемо горькую участь Германии можно было прочитать именно здесь.

Художник *Г. Басыров*

4-407. Ц. 3 к. Т. 75 000. Т. № 5. З. 5973. 4123211
Отправлять только в конверте

Б $\frac{80205-022}{024(01)-80}$ 156-80

5. ЛИБКНЕХТ В ШТУТГАРТЕ

Повсюду, куда бы он ни пришел, его встречали одним и тем же вопросом: как он мог поддаться ловкой тактике социал-демократического большинства и проголосовал за кредиты?

Как было тут объяснить, что он изо всех сил боролся с ними, но считал себя обязанным до поры до времени не выносить спор наружу!

Карл был верен себе в одном — в признании допущенной им ошибки, и всякий раз, получая слово, говорил, что больше это никогда не повторится: в самом близком будущем они получат убедительное подтверждение.

В Штутгарте, куда Карл Либкнехт приехал для встречи с рабочими, его поместили в надежном месте.

Курт и Вилли пришли за ним ближе к вечеру. Солнце скрылось уже за кирпичной стеной напротив, а Либкнехт все шагал в тесном пространстве комнаты, куда его поселили.

— Время идти. И лучше пойти пешком,— сказали они.— В толпе оно как-то незаметнее.

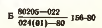
Втроем миновали политехникум, парк, позади остались виллы магнатов. Вышли за черту города. Спутники предупредили, что идти неблизко, километров восемь: собрание предусмотрительно назначено в одном из городков, тяготеющих к вюртембергской столице. Началась пора нелегальной работы, и Либкнехт похвалил организаторов за то, что все продумано ими так тщательно.

Предстояла очередная встреча с теми, кто вправе был ждать от него объяснения, честного и прямого признания его вины.

Но чем чаще приходилось ему признаваться в этом, тем все менее навязчивой становилась мрачная тень четвертого августа.

Художник *Г. Басыров*

4-407. Ц. 3 к. Т. 75 000. Т. № 5. З. 5973. 4123211
Отправлять только в конверте

Б $\frac{80205-022}{024(01)-80}$ 156-80

6. КАРЛ И РОЗА

Среди социалистов, верхушки их, не входившей в состав рейхстага, единомышленников у Либкнехта было совсем немного: Клара Цеткин, Франц Меринг и, в первую очередь, Роза Люксембург, отважная Роза, готовая свои убеждения защищать до последнего вздоха.

Комната ее была вся уставлена книгами. Во всем могла себе отказать хозяйка, только не в книгах: лежали они на столе, на подоконнике, на полках и даже на полу перед диваном. В остальном все выглядело тут сурово: стол с чернильным прибором, диван, кресло и несколько стульев.

Когда Либкнехт вошел, навстречу ему, чуть прихрамывая, поднялась Роза: узкий овал лица, острый нос, прекрасный лоб мыслительницы, темные брови и большие, чудесные по глубине выражения глаза. Они представляли собой самое примечательное в ее облике.

Протянув руку вошедшему, она шутливо сказала:

— Каяться пришли, Карл?

Лицо его помрачнело, в глазах промелькнул огонек строптивости.

— Покаяния теперь бесполезны. Совместные действия— вот что, по-моему, нужно.

— А к берегу оппортунизма вас еще не прибило?

— Нет! И вы знаете это не хуже меня.

— Тут вы правы... А то разве я подала бы вам руку?! — И, заняв свое место, усадив Карла, приступила к серьезному разговору.

Предстояло наметить, какие шаги необходимы с их стороны в первую очередь.

Художник *Г. Басыров*

4-407. Ц. 3 к. Т. 75 000. Т. № 5. З. 5973. 4123211
Отправлять только в конверте

Б $\frac{80205-022}{024(01)-80}$ 156-80

7. В РЕЙХСТАГЕ

Войиа получила такой небывалый размах, что отказывать в иовых кредитах правительству значило бы бросить вызов тем, кто втяиул страну в это побоище. Несомненно, рейхстаг должеи был утвердить кредиты едиогласио.

Но стоило фракции социал-демократов собраться иа свое заседание, как Либкиехт, зловеще блесиув псисие, заявил, что будет голосовать против иих.

— То есть, как вас поиять?— проводивший собраине депутат Эберт посмотрел иа него иеприязиеиио.— Дисциплиированный члеи партии противопоставит себя общей лиииии?!

— Партийиая совесть ие подсказала вам, кому вы служите в эти дии: классовому врагу — вот кому вы играете иа руку!

В зале подиялся иеистовый шум; депутаты повскакали с мест, требуя удалеиия Либкиехта и исключення из фракции.

Эберт ие пытался остаиовить охваченных яростью депутатов.

— Позорить честь германской социал-демократии вам никто ие позволит, можете быть в этом уверены! — зычно проговорил ои.

— Сами вы ее опозорили, поддержав эту гнусиую войиу! — выкрикиул Либкиехт.

Шум подиялся еще больший. Но, иесмотря иа все возраставшее ожесточение, Либкиехт досидел до конца. И единственный среди всех проголосовал против иовых кредитов.

Ои выходил, как отверженный, как изгой, безжалостио осуждеииый всеми, но с гордо подиятой головой, ие боясь встретиться взглядом с иедавиими своими коллегами.

Художник Г. Басыров
© «Изобразительное искусство». Москва. 1980
4-407. Ц. 3 к. Т. 75 000. Т. № 5. З. 5973. 4123211
Отправлять только в конверте

Б $\frac{80205-022}{024(01)-80}$ — 156-80

8. ЛИБКНЕХТ ПЕРЕД ОТПРАВКОЙ НА ФРОНТ

Вызванный в военное райбюро, Либкнехт прождал долго. Наконец подошла его очередь. Инспектор начал хмуро рыться в бумагах.

— Гм, сорок четыре года... Для строевой поздно, но в рабочую команду можно вполне.

Либкнехт возразил:

— Я как депутат рейхстага призыву не подлежу.

— То есть, как это не подлежите? — враждебно спросил инспектор.

— Я депутат рейхстага и представляю в нем своих избирателей.

— А вам разве неизвестно?! Вы, господин Либкнехт, лишены депутатских прав, — с явным удовольствием произнес тот.

— Во всяком случае, стрелять я не буду — это противно моим убеждениям.

— Настоящий патриот мог бы проявить свои убеждения в чем-либо другом, более уместном... Благоволите явиться через три дня на сборный пункт; две смены белья и теплые вещи иметь при себе. Так... Все!

И вот так глубоко возмутивший коллег-депутатов Карл Либкнехт оказался в рабочей команде, вблизи линии фронта. Хотя солнце уже пригревало землю, долбить ее приходилось ломом или киркой. Товарищи по команде советовали ему не слишком усердствовать: спасибо все равно никто не скажет.

Но старший, подходивший к ним то и дело, интересовался особенно Либкнехтом. От начальства он знал, что это личность опасная.

Не успевал Карл вернуться в барак, как начиналось чуть ли не паломничество к нему. Солдаты добивались ответа: «Во имя чего затеяна эта бойня, кому она выгодна и кто на ней наживается». Отвечал Либкнехт охотно, доступно и просто.

Авторитет Карла рос с каждым днем.

Художник *Г. Басыров*

4-407. Ц. 3 к. Т. 75 000. Т. № 5. З. 5973. 4123211
Отправлять только в конверте

Б $\frac{80205-022}{024(01)-80}$ 156-80

Benützung

9. ПЕРВОМАЙСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ (1916)

Приближался день Первого мая. Именно в этот день надо было показать всем, что дух сопротивления у рабочих не сломлен.

Роза Люксембург еще в феврале отбыла свой тюремный срок, а Либкнехт оказался в Берлине, отпущенный на сессию рейхстага.

Повсюду, в цехах и в мастерских, в столовых и пивных, стали появляться листовки, в которых требовали хлеба, свободы и мира. Группы левых, революционно настроенных рабочих действовали неутомимо.

Последняя их листовка гласила: «Тот, кто против войны, явится первого мая на Потсдамерпляц!» Именно Потсдамская площадь должна была стать тем местом, где произойдет проверка революционных сил.

Как ни старались умеренно настроенные депутаты отговорить Либкнехта от задуманной им демонстрации, он упрямо стоял на своем.

И вот ожидаемый день наступил. Почти до вечера Потсдамская площадь оставалась пустынной. Лишь отряды полиции или конные жандармы время от времени пересекали ее.

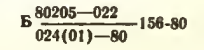
Но ближе к восьми появились первые колонны демонстрантов. Шли организованно, соблюдая твердый шаг. В передних рядах легко было разглядеть тех, кто бывал на выступлениях Розы и Либкнехта, кто не первый день работал под их руководством.

Вскоре вся площадь наполнилась. Гнев, протест и нужда вышли на свою первую демонстрацию.

И вот в гуще толпы появились мужчина в котелке и пенсне и небольшого роста прихрамывавшая женщина. В них сразу узнали Либкнехта и Люксембург. Появление их объединило всех еще теснней. Сознание, что Карл и Роза с ними, придало всем уверенность в своих силах.

Художник *Г. Басыров*

4-407. Ц. 3 к. Т. 75 000. Т. № 5. З. 5973. 4123211
Отправлять только в конверте

Б $\frac{80205-022}{024(01)-80}$ 156-80

10. ЛИБКНЕХТ В КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ

Восьмого декабря, соблюдая величайшую секретность, Либкнехта вывели из тюрьмы, где его держали после майских событий, и, привезя на Ангальтский вокзал, доставили под строжайшей охраной в городок Люкау. Над всеми зданиями главенствовала каторжная тюрьма. Туда и был помещен Либкнехт, в одиночную камеру.

Бо́льшую ее часть занимала печь с холодными изразцами. Были еще стол, табурет, умывальник и койка. Даже тарелка и нож были тут, правда, нож очень тупой. Вилки и ложки не полагалось.

Либкнехт представил себе будущий распорядок жизни: много ходить по камере, обязательно заниматься гимнастикой и в часы, свободные от сапожного дела, работать над новой книгой.

Письма родным он писал регулярно: сообщал, что морозы в Люкау доходят до двадцати трех градусов, но не надо о нем беспокоиться, потому что его спасают гимнастические упражнения.

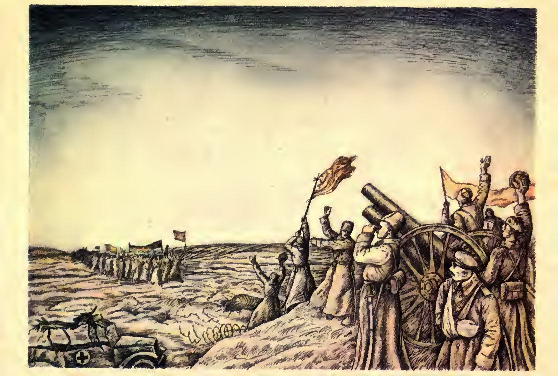
Жизнь его, судя по письмам, была вся наполнена живыми многосторонними интересами. Можно было, казалось, забыть, что пишет их арестант, каторжник, сучащий почти весь день дратву и тачающий сапоги. Либкнехт размышлял о судьбах Германии и ее путях в ближайшие годы.

И в эту камеру, в которой власти надеялись замуровать его и изолировать ото всех, ворвался бурный вихрь русской революции.

Художник *Г. Басыров*

4-407. Ц. 3 к. Т. 75 000. Т. № 5. З. 5973. 4123211
Отправлять только в конверте

Б $\frac{80205-022}{024(01)-80}$ 156-80

11. БРАТАНИЕ НА ФРОНТЕ

Февральская революция в России принесла с собой на фронт небывалые веяния. На востоке началось братание. Из русских окопов поднимали красные флаги, плакаты или кричали: «Пора кончить войну! К чему убивать друг друга?! Давайте мириться!»

Немцы слушали, изумленные. Достаточно их приучали к мысли, что на той стороне сидит враг. Но призывы не оставляли никого равнодушными.

Их командиры понимали, чем это может кончиться для империи кайзера, и угрожали применить наказания. Но дух брожения стлался, подобно туману, переползая с восточной стороны фронта на запад.

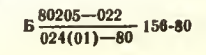
Внезапно на той стороне солдаты перелезали через бруствер. «Не стреляйте! — кричали они. — Мы идем к вам со словами мира и братства!» Непривычное слово «товарищи!» доносилось оттуда.

Слушали с затаенным интересом. А то и, сметая все запреты, из окопов навстречу шедшим подымались немцы. Вместо стрельбы возникал горячий беспорядочный разговор. Если у русских находился кто-либо владевший немецким, разговор приобретал страстный характер.

Офицеры, оставшись в окопах, презрительно усмехались, наблюдая за всем в бинокль; затем начинали кричать: «Вернуться немедленно, а то будем стрелять!» И русские и немцы нехотя расходились.

Художник *Г. Басыров*

4-407. Ц. 3 к. Т. 75 000. Т. № 5. З. 5973. 4123211
Отправлять только в конверте

Б $\frac{80205-022}{024(01)-80}$ 156-80

12. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СТАРОСТЫ

Апрель семнадцатого года принес невиданную вспышку стачек. Рабочие требовали, чтобы голодные нормы снабжения были увеличены. Генерал Гренер, назначенный начальником военного управления, старался по приказу ставки подавить недовольство любой ценой. Выступив в рейхстаге, он заявил, что Германия никогда еще не стояла на таком опасном пути. Обратившись к бастующим, он назвал их мерзавцами и пригрозил зачинщикам каторгой.

Тем не менее, забастовки то и дело перерастали в политические: рабочие добивались отмены осадного положения и легализации их права на стачки.

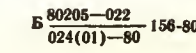
Путем жестоких репрессий движение удалось наконец притушить. Но на передний план оно выдвинуло новую силу: в цеху, возле станка, в шуме трансмиссий выявились низовые вожаки. Их основу составляли токари, шлифовальщики, монтеры, электрики. Они поняли с первых дней, что если уж бастовать, то так, чтобы сплотить всех недовольных и повести за собой.

Поначалу низовых вожаков называли старостами. Позже, когда движение вырвалось на улицы, они получили название революционных старост: оно определяло их место и роль еще точнее.

О революции помышляли далеко не все; но многие понимали уже, что одними уступками и реформами обойтись дело не может.

Художник *Г. Басыров*

4-407. Ц. 3 к. Т. 75 000. Т. № 5. З. 5973. 4123211
Отправлять только в конверте

Б $\frac{80205—022}{024(01)—80}$ 156-80

13. СПАРТАКОВЦЫ РАСПРОСТРАНЯЮТ ЛИСТОВКИ

Озлобление народа прорывалось наружу то в неожиданно вспыхнувшей демонстрации, то в плакатах и лозунгах, прикрепленных к столбам и заборам. Слово «долой!» звучало все более грозно. Еще чаще звучали слова: «Да здравствует Карл Либкнехт!» Их выкрикивали на митингах, повторяли во время схваток с полицией. Солдаты вывешивали их на эшелонах, в которых следовали войска с востока на запад.

Имя Либкнехта притягивало к себе, как магнит. Он стал народным героем. Его почитали не одни лишь спартаковцы, но и миллионы недовольных.

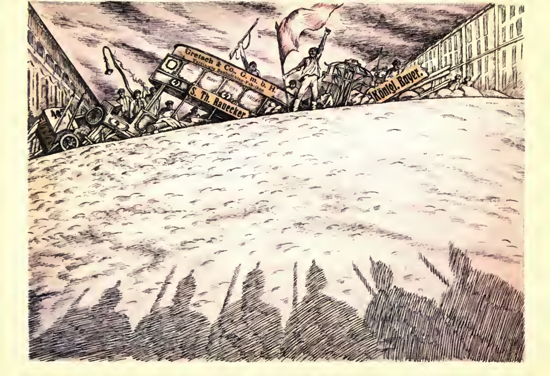
С первых же дней русской Октябрьской революции спартаковцы признали ее цели и новый небывалый в истории путь. Любые нападки на нее встречали в штыки. В своем «Открытом письме большевикам» Франц Меринг заявил: «Мы встретили весть о победе большевиков с чувством гордости». Клара Цеткин в одной из своих статей написала, что «в России осуществляется социализм — дело жизни Маркса».

Недаром Ленин в обращении к спартаковцам указал, что «работа германской группы «Спартак», которая вела систематическую революционную пропаганду в самых трудных условиях, действительно спасла честь немецкого социализма и немецкого пролетариата».

Только не думая о себе и не щадя себя можно было в условиях террора распространять листовки — в огромном количестве посылать их на фронт, разбрасывать на заводах, опускать в почтовые ящики, словом, делать все, чтобы они попали в руки солдат и рабочих.

Художник *Г. Басыров*
© «Изобразительное искусство». Москва. 1980
4-407. Ц. 3 к. Т. 75 000. Т. № 5. З. 5973. 4123211
Отправлять только в конверте

Б $\frac{80205-022}{024(01)-80}$ 156-80

Gretsch & Co. G. m. b. H.
S. Th. Rauecker
Königl. Bayer.

14. РАБОЧИЕ ЗАБАСТОВКИ

Еще утром в рабочих районах столицы слышны были шум станков и мерное дребезжание стекол. Но к девяти часам шум стал затихать. Раскрылись калитки, проходы, заводские ворота, и рабочие начали выходить на улицу. Шли плотными группами, спокойно и деловито.

Все было подготовлено в глубокой тайне. Даже Генеральная комиссия, оплот профсоюзных соглашателей, не знала, что́ готовится за ее спиной. Накануне, 27 января 1918 года, было назначено собрание токарей в Доме профсоюзов. Пришли не только токари, но и делегаты со всех предприятий — полторы тысячи человек.

На обсуждение был поставлен один вопрос — о назначенной на завтрашний день стачке. Тысяча пятьсот рук поднялись, подтвердив единодушие трудящихся. Был утвержден высший орган бастующих — Исполнительный комитет. Решающий тон в комитете задавали старосты.

В понедельник с утра комитет заседал в Доме профсоюзов. По коридорам сновало множество людей, снаружи собралась толпа.

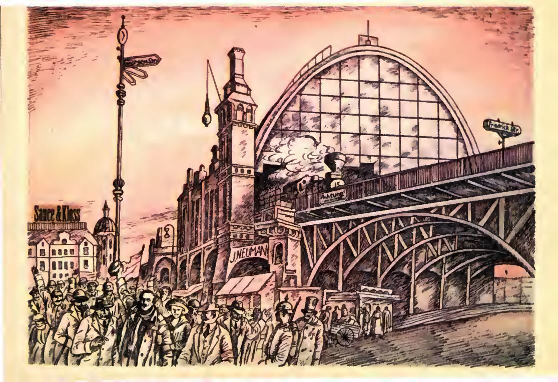
Хотя собрания были строго запрещены властями и Дом профсоюзов заняла полиция, демонстрации происходили повсюду. Когда их разгоняли, рабочие собирались снова в другом месте. Опрокидывали трамвайные вагоны, разбирали пути, возводили баррикады.

Рабочие требовали немедленного мира с Россией, освобождения политических заключенных и, в первую очередь, Карла Либкнехта.

Художник *Г. Басыров*

4-407. Ц. 3 к. Т. 75 000. Т. № 5. З. 5973. 4123211
Отправлять только в конверте

Б $\frac{80205-022}{024(01)-80}$ 156-80

Sauce & Kloss
J. NEUMAN
Achtung!
Friedrich Str.

15. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛИБКНЕХТА В БЕРЛИН

Весть о том, что Либкнехт освобожден и должен прибыть сегодня в Берлин, распространилась мгновенно. Спартаковцы сделали все, чтобы она дошла до рабочих.

К Ангальтскому вокзалу колонны двинулись отовсюду. Наряды полиции тоже торопились туда, стремясь опередить демонстрантов.

Вскоре вся вокзальная площадь была заполнена демонстрантами, а подходившие новые делегации останавливались на прилегающих улицах.

Поезд давно должен был прибыть, но его все не было; вероятно, с умыслом задержали в надежде на то, что надоест ждать и толпа разойдется. Распространился слух, будто он вообще не прибудет сегодня, но никто этому не поверил.

И вот, подобно току по проводам, разнесся другой слух, и все поверили в его достоверность: поезд прибудет сейчас, ждать его можно с минуты на минуту.

В толпе произошло движение, ряды слабо заколыхались, пока не застыли в напряженнейшей тишине.

Потом стали передавать друг другу: «Приехал! Либкнехт здесь! Вон там, на ступенях вокзала!»

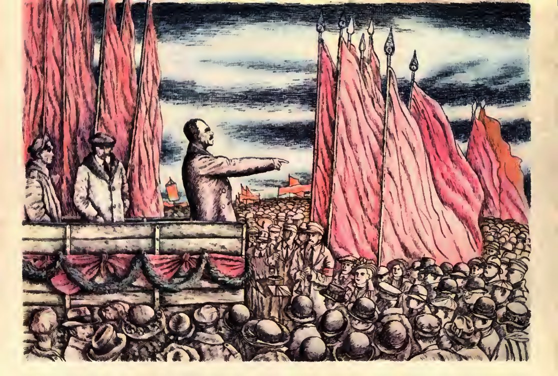
На мгновение показалось, будто он виден всем: вот и шляпа его, и пенсне, и темные волосы.

Где-то совсем близко его ждала машина. Донесли ли Либкнехта на руках или он дошел сам, так и осталось неясно.

Наконец, обступив машину плотным кольцом, зыбкая и безбрежная масса людей сплошной цельной процессией с победными песнями двинулась к центру Берлина.

Художник *Г. Басыров*
© «Изобразительное искусство». Москва. 1980
4-407. Ц. 3 к. Т. 75 000. Т. № 5. З. 5973. 4123211
Отправлять только в конверте

Б $\frac{80205-022}{024(01)-80}$ 156-80

16. ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ПРОГРАММНАЯ РЕЧЬ ЛИБКНЕХТА

В то время как вожаки демонстрации проникли во дворец, толпа внизу застыла в ожидании. Ждать пришлось долго. Вдруг распахнулась балконная дверь и вышла большая группа. Парень в матросской куртке вскочил на перила и, ухватившись за выступ карниза, начал взбираться наверх.

Снизу наблюдали за ним с замиранием сердца. Внезапно восторженный крик раскатился по площади: флагшток с императорским знаменем был повержен, и над дворцом взвилось красное знамя.

Вытянув вперед руку, Карл Либкнехт обратился к берлинцам с первой программной речью:

— День свободы, товарищи, наступил. Больше здесь не появится ни один Гогенцоллерн. Семьдесят лет назад Фридрих-Вильгельм IV принужден был снять шляпу перед похоронной процессией павших за дело освобождения. Сейчас проходит другая процессия — идут тени миллионов, положивших свою жизнь за дело пролетариата. За ними следуют тени миллионов детей и женщин, погибших в нужде и лишениях.

Сегодня на этом месте необозримая масса воодушевленных пролетариев... Товарищи! Господство капитализма, превратившего Европу в кладбище, сломлено! Те из вас, кто хочет видеть осуществление социалистической революции в Германии и во всем мире, пускай подымут руки и поклянутся в верности ей!

Руку подняли все до единого человека. Крики «Да здравствует революция!», «Да здравствует Карл Либкнехт!» огласили площадь. Все были охвачены одним чувством и устремлены к одной цели.

Художник *Г. Басыров*
© «Изобразительное искусство». Москва. 1980
4-407. Ц. 3 к. Т. 75 000. Т. № 5. З. 5973. 4123211
Отправлять только в конверте

Б $\frac{80205-022}{024(01)-80}$ 156-80